

14 (27) мая

Священномученик
Петр (Рождествин)

Священномученик Петр родился 25 июня 1879 года в селе Дмитриевский Погост Коробовской волости Егорьевского уезда Рязанской губернии* в семье псаломщика Алексея Михайловича и Александры Алексеевны Рождествовских. В 1899 году Петр окончил Рязанскую Духовную семинарию и был направлен преподавать в церковноприходской школе. Намереваясь послужить Святой Церкви священником, он должен был найти супругу, которая готова была бы нести с ним крест служения Церкви, так как монашеским путем он идти не желал. Петр женился на девице Людмиле, дочери протоиерея Дмитрия Семеновича Лебедева, служившего в его родном селе. Окончив епархиальное училище, она преподавала в той же, что и Петр, школе. Так что им не пришлось знакомиться друг с другом. Вся жизнь в селе была как на ладони – со всеми своими достоинствами и недостатками ты у всех на виду.

По рукоположении во священника отец Петр был отправлен служить в храм в селе Вышкове Новозыбковского уезда Черниговской губернии**, так как в родных местах свободных священнических вакансий не было. Но когда освободилось место священника в Троицком храме в селе Ланино в Егорьевском уезде, расположенном в восьми верстах от Дмитриевского Погоста, родители предложили ему служить здесь. Храм был небольшой, деревянный, выстроенный усердием прихожан шести деревень. Впоследствии ими же было построено большое двухэтажное здание школы, квартиры для учителей и церковная сторожка. К началу Первой мировой войны Ланино стало процветающим богатым селом, и прихожане намеревались возвести храм из кирпича, для этого был предварительно выстроен кирпичный завод. Строительство продвигалось быстро, из своего кирпича были уже возведены стены, но начавшаяся война и последовавшая за ней безбожная революция остановили строительство. До тридцатых годов стояла недостроенная церковь в лесах.

Предшественник отца Петра построил для себя большой дом, который он впоследствии продал приходу, так что отцу Петру не пришлось заботиться о жилье. Воспитанный в бедной семье псаломщика, зарабатывавшего на жизнь в основном крестьянским трудом, отец Петр был привычен ко всякого рода крестьянской работе, он никогда не нанимал крестьян на работы, живя с ними по правилам тогдашней крестьянской общины, когда наиболее тяжелые работы делались сообща и крестьяне поочередно помогали друг другу, и так переделывались работы, требовавшие наибольших усилий. Вместе разрабатывали трудные деланки и вывозили дрова, работали на дальних покосах, занимаясь этим неотрывно иногда по целой неделе, так как работу нужно было завершить в срок, пользуясь благоприятной погодой, которую им и давал для этого Господь.

* Ныне Шатурский район Московской области.

** Ныне село Старый Вышков Новозыбковского района Брянской области.

Отец Петр вставал, как и все крестьяне, до рассвета, и, помолившись, выходил на свое ежедневное послушание. Живя тем же, что и крестьяне, трудом, он никогда не забывал, что он прежде всего пастырь Божий: в любое время дня и ночи, в любую погоду, зимой и летом, оставляя все домашние хлопоты, он шел туда, куда его звали прихожане для совершения треб. Притом он всегда довольствовался тем, что ему давали в качестве платы, а бывало, и сам помогал нуждающимся.

*Священник Петр Рождествен
с супругой Людмилой Дмитриевной и сыном Николаем*

Служил отец Петр очень торжественно, на праздники всегда пело два клироса, и тот и другой со множеством певчих. К службам певчие готовились заранее: церковное пение было предметом особых забот и пастыря, и паствы. В селе пели тогда почти все и на клирос выбирали только самых даровитых. Праздничные богослужения еще оставались в то время центром христианской жизни, удовлетворяя не только духовные, но и эстетические запросы народа.

Кроме внешних забот и хлопот, были и внутренние. Отец Петр был характера вспыльчивого, и, хорошо осознавая опасность этой страсти, приложил много труда, чтобы ее искоренить, и в конце концов добился успеха – перестал гневаться и раздражаться и на действительные и на мнимые промахи ближних.

На первой исповеди сына во время Великого поста он сказал ему в напутствие: «Будь всегда честен и правдив, делай добро людям, уважай старших, люби Родину и народ, где родился, не забывай Бога!»

В 1921 году в селе Ланино вспыхнула эпидемия тифа, но это не испугало священника – он сразу же пошел в семьи, где были больные, беседовал, исповедовал, соборовал и причащал.

В 1924 году отец Петр был награжден наперсным крестом, в 1926-м – возведен в сан протоиерея, в 1936-м – награжден наперсным крестом с украшениями.

Протоиерей Петр в первый раз был арестован в 1930 году за неисполнение требований по сдаче сельскохозяйственной продукции и приговорен к пяти годам ссылки, но, поскольку такого срока наказания по этой статье в законе прописано не было, он был судом оправдан и освобожден; во второй раз он был арестован в период массовых гонений на Русскую Православную Церковь – 30 ноября 1937 года и заключен в Таганскую тюрьму в Москве.

Против него показали местный колхозник, сказавший, что протоиерей Петр принимал участие в распространении контрреволюционных листовок, и священник соседнего села, Петр Суханов, заявивший, что ему «известно, что Рождествен враждебно настроен к советской власти. Мне неоднократно приходилось слышать, – сказал свидетель, – как он неодобрительно отзывался о политике советской власти, в частности, жаловался на налоги, которые налагает на него советская власть как на служителя культа; говорил, что советская власть религию притесняет, не дает ей развиваться. Мне также известно, что Рождествен, торжественно обставляя церковную службу, затягивал ее, что приводило к невыходу на работу колхозников, разлагало трудовую дисциплину и затягивало полевые работы в колхозе»¹.

1 декабря 1937 года следователь допросил священника.

– Следствию известно, что вы, будучи враждебно настроены против советской власти, вели антисоветскую агитацию среди населения, дайте искренние показания по данному вопросу! – потребовал следователь.

– Я никогда никакой агитации не вел, – ответил священник.

– Следствию известно, что вы принимали участие в распространении контрреволюционных листовок в районе. Дайте показания по этому вопросу.

– Я участия в распространении листовок не принимал.

– Вы затягивали церковную службу с целью срыва полевых работ в колхозе?

Дайте показания по этому вопросу.

– Я церковных служб не затягивал...

5 декабря 1937 года тройка НКВД приговорила отца Петра к десяти годам заключения в исправительно-трудовом лагере, и он был отправлен в Мариинский лагерь, одно из отделений Сиблага, куда прибыл 31 декабря 1937 года.

8 июня 1938 года он писал супруге из лагеря: «Прошло полгода, как мы расстались, но я получил лишь одно от тебя письмо 15 февраля; получил и две твои посылки: одна получена мною 11 апреля, а другая получена 2 мая. В первой посылке съедобное все сохранилось, а во второй, кроме твоих прекрасных и вкусных лепешек, все испортилось и позеленело, и я вынужден был выбросить с великим сожалением, что это случилось, сознавая, что ты посылаешь мне посылку, урывая от себя последний кусок. Прими от меня сердечную благодарность за посылки – как приятно было получить особенно вторую, праздничную посылку. Со слезами на глазах вспоминал я прошлые годы, когда мы семейно встречали и провожали эти дни, – теперь только оценишь семейную обстановку с ее традициями, но жаль, что прошлое-прожитое отходит в вечность.

Получаешь ли ты мои письма? За последний месяц я послал тебе два письма. В этих письмах я писал тебе, что с марта месяца до 25 апреля хворал сыпным тифом, жар доходил до 41 градуса, жил на уколах, сердце признано слабым, был на волоске от смерти. Благодарение Богу и врачебному персоналу, который не жалел своих сил при уходе, я остался пока жив. Получил осложнения... Плохо стал слышать... опухоль ног и... болезнь сердца. Излечивая последствия тифа, я до сего времени лежу в больнице, переходя еженедельно из одного отделения в другое. В настоящее время лежу в 7-м отделении, где находятся выздоравливающие; на днях, думаю, переведут в отдел слабосильных, это уже не больница, а барак, где ходят уже в своей собственной одежде и питание здесь простое. Сколько времени пробуду в слабосильном отделе, не знаю; с внешней стороны я стал лучше выглядеть: в последних отделениях больницы № 3 и № 7 кормили больных хорошо... Жаль одно, что черного хлеба мало очень дают, а он есть основа нашего питания. Несмотря на хорошее питание в больнице, силы все-таки плохо собираются после болезни...

С ногами вообще у меня нехорошее дело обстоит, ведь я их дважды обмораживал, о чем я писал тебе... На мои ноги страшно смотреть: все опухли и покрыты какими-то кровоподтеками; болел душой из боязни, что отнимут у меня ноги и буду совсем калекой. Врачи не дают никаких лекарств от болезни ног, говорят, что со временем все само собой пройдет. Боль и ломота в ногах до сих пор ужасная; если доживу до зимы, то не знаю, как буду без теплых сапог и теплых чулок... Вчера врач сказал мне неутешительное относительно болезни моего сердца, признал у меня болезнь миокарда сердца – по его словам, болезнь хуже порока сердца; известие меня поразило – значит, жить мне осталось совсем немного...

Смерть есть общая участь человечества, когда же вспоминаешь, что очередь моя, то становится страшно, зная, что мало подготовлен к загробной жизни.

Есть пословица: “на бедного Макара все шишки валяются”. Эта пословица приложима ко мне: моя одежда при привозе меня в больницу вся была сдана по описи в склад. Оказывается, у меня кожаных сапог и шапки не значится в приемной фактуре. Заявил начальству о пропаже этих ценных вещей, но вот почти месяц прошел, а ответа нет. Подобных пропаж было несколько. Теперь, при выходе из больницы, придется ходить в лаптях – хорошо, если дадут казенные лапти; голову придется накрывать казенным полотенцем – жаль, что ты не догадалась прислать мой черный картуз. Виноват, конечно, я, так как забыл это прописать... В каком состоянии мои ботинки? Если какие из них годны для носки, то пришли мне.

Дорогая Мила, не обижайся ради Бога, что я своими просьбами вынуждаю тебя тратить последние копейки, лишая тебя необходимого, но верь – нужда моя вызывает на это. Попроси от моего имени племянников помочь материально нам; знаю, велика твоя нужда, знаю, что ты оборвана и без одежды; если откажут в помощи нам, то Бог с ними...

Что нового в нашей дорогой стороне? Пишет ли кто тебе из родных... Как ты провела пост и моление праздничное, где? Очень хочется знать, как живут Шатурские... Больно и прискорбно, что меня скоро забыли. Забыли близкие по крови, родные, а что говорить о дальних родных? Завидуешь, когда ежедневно видишь, как товарищи по аресту получают письма от детей и знакомых.

Сидят со мной лица очень интеллигентные: инженеры, врачи, защитники-юристы. Есть профессор из Москвы, есть учитель московской школы. Пишут им очень часто, дети, жены и другие родные – друг познается лишь в несчастье...

Пиши мне чаще. Если бы ты знала, каким счастьем для меня являются твои письма, – я читаю каждую строчку твоего письма несколько раз и письмо знаю наизусть...»²

Протоиерей Петр Рождественский скончался 27 мая 1939 года в Баимском отделении Сиблага и был погребен в безвестной лагерной могиле.

«Жития новомучеников и исповедников Российских XX века.
Составленные игуменом Дамаскиным (Орловским). Май». Тверь. 2007. С. 123-129

Библиография

Рождественский С.П. Воспоминания. Рукопись.
АМП. Послужной список.
ГАРФ. Ф. 10035, д. П-18571.

Примечания

¹ ГАРФ. Ф. 10035, д. П-18571, л. 15.

² Архив семьи Рождественских.